

АГО КЮННАП (Тарту)

ПОКАЗАТЕЛИ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Цель настоящей статьи — сжатое описание показателей числа имен существительных в северносамодийских языках (о соответствующих показателях в южносамодийских языках см. Кюппар 1971:18—55; Кюннап 1967:282—291). При изложении материала приводятся лишь самые необходимые примеры, причем всегда и формы, почерпнутые в текстах или в неопубликованных источниках (о транскрипции см. Кюппар 1971:16—17).

1. О грамматических числах в самодийских языках

В самодийских языках, как известно, есть три грамматические категории числа: единственная, двойственная и множественная. У ед. ч. показатели отсутствуют. Употребление показателей дв. и мн. ч. в разных самодийских языках довольно различно. В северносамодийских языках, которые имеют более сложный морфологический строй, они применяются значительно шире, чем в южносамодийских. Так, для ненецкого языка характерно присоединение этих показателей к основам существительных, прилагательных, порядковых числительных, указательных, определительных и вопросительных местоимений и причастий, к посессивным суффиксам и личным глагольным суффиксам; они выступают в составе финитных глагольных форм, а показатели мн. ч. присоединяются и к основам наречий и послелогов (см. Терещенко 1956:38—51, 167—177). А, например, в камасинском числовые показатели присоединяются обычно лишь к основам существительных, личных и указательных местоимений, к посессивным и личным глагольным суффиксам. Общей сферой применения числовых показателей как в северносамодийских, так и в южносамодийских языках являются главным образом основы существительных, форм 3-го лица глагола и указательных местоимений, посессивные суффиксы и личные глагольные суффиксы.

С исторической точки зрения, самодийские числовые показатели распределяются по двум сферам применения, которые можно условно назвать именной и местоименной. Самой обширной и последовательной сферой применения этих показателей внутри первой, как бы ядром этой сферы, являются основы существительных и известных финитных глагольных форм. Те же показатели числа могут присоединяться и к другим частям речи и выступать в различных других морфологических формах, но в разных языках и их диалектах в довольно различной степени. Так, в ненецком прилагательные, порядковые числительные,

указательные, определительные и вопросительные местоимения и причастия могут в довольно значительной мере склоняться во всех трех числах по тем же принципам, что и существительные, а формы мн. ч. могут выступать и у наречий и послелогов. А, например, в камасинском мн. ч. других частей речи и морфологических форм выступает редко, а дв. ч. вообще отсутствует. — Местоименная сфера ограничивается почти полностью посессивными и личными глагольными суффиксами. — Личные местоимения находятся как бы между этими двумя сферами: их дв. и мн. ч. могут выражать отчасти специальные основы, которые выступают только в этих числах, отчасти — показатели именной и местоименной сфер (сюда относятся и случаи выражения дв. и мн. ч. личных местоимений при помощи соответствующих посессивных суффиксов), а в единичных случаях и свои, особые показатели числа.

Исходя из этого, при изложении самодийских числовых показателей особое внимание следует обращать на числовые показатели существительных, известных финитных глагольных форм, посессивных суффиксов и личных глагольных суффиксов, а также личных местоимений. Их изложение принято начинать с числовых показателей основ существительных.

Самодийские основы существительных употребляются в дв. и мн. ч. как в абсолютном, так и в посессивном склонении, а в северносамодийских языках и в дезидеративном (или предназначительном) склонении, характерном только для этих языков. Из падежных форм дв. и мн. ч. наиболее употребителен лишь номинатив (как отмечал уже Кастрен, см. Castrén 1854:107—109).

2. Северносамодийские числовые показатели основ существительных

2.1. Абсолютное склонение

Ненецкий язык (К — Castrén 1854:120—123, 125—128; Castrén—Lehtisalo 1940:1—304; Castrén, Lehtisalo 1960:299—308. Л — Lehtisalo 1947; Castrén, Lehtisalo 1960:339—462. В — Вербов 1935. Т — Терещенко 1956:26, 31, 38—40, 50—53, 249—281; Терещенко 1965:869—876. Х — Hajdú 1968:77—83. А — Кюннап 1963).

Двойственное число. Показателем дв. ч. является в номинативе (К) $-χa^2, -χo^2, -χe^2, -χi^2, -χi^2, -χi^2, -g^2, -k^2$, (лесной диал.) $-χā(n)$, $-χα, -χε, -χι, -g, -k$; (Л) $-χα^2, -χo^2, -χo^2, -g^2$, (лесной диал.) $-χαη^2$; (В) (лесной диал.) $-χVη^2, -k^2$; (Т) $-χV^2, -g^2, -k^2$. По данным Кастрена и Терещенко, этот же показатель образует в тундровом диалекте и формы генитива и аккузатива дв. ч. (мы имеем здесь дело, следовательно, с падежом номинатив-генитив-аккузатив), а на основании текстов Лехтисало указывает Йоки, что в тундровом диалекте формы номинатива и аккузатива дв. ч. отличаются друг от друга вполне четко, напр., *ηuda* 'Hand': дв. ч. ном. *ηudaχ*²: акк. *ηudaχα, num*² 'Himmel': дв. ч. ном. *numg*²: акк. *numg, ma*² 'Zelt': дв. ч. ном. *maκχ*²: акк. *maκχ*, т. е. что на конце аккузатива дв. ч. в тундровом диалекте нет гортанного смычного. Далее Йоки указывает, что в текстах Лехтисало по тундровому диалекту имеются и формы аккузатива дв. ч. на *m*, напр., *ηudaχam*² 'die (2) Hände' [ср. сельк. *logāgam* 'die (2) Füchse'] (Joki 1956:17—18). Следовательно, в аккузативе может выступать показатель дв. ч. (Л) $-χα-, -χα, -χ, -g$. В местных падежах (кроме прозекутива) показателем дв. ч. является у Кастрена $-χα-, -ga-, -ka-$, а Терещенко (1965:871) пишет, что местные падежи образуются от номинатива (номинатива-генитива-аккузатива) дв. ч. при помощи послелогов и что говорить о

падежных формах здесь можно лишь условно; ср., напр., лат. дв. ч. (К) *ņudaņaņā* (*ņuda* 'Hand') и (Т) *ņeņe' ņa'* 'к женщинам (двум)'. Гортанный смычный на конце показателя дв. ч. отмечен у Кастрена и Терещенко как назализирующийся (см. и Терещенко 1956:26), о таком же его характере свидетельствуют, видимо, и формы Лехтисало *makkaχām pōņgannā* 'zwischen zwei Zelten', *sūdeχem pōņgad* 'zwischen den Schulterblättern' (? < *-³ p-, см. Hajdú 1958:259, 266—269). В прозекутиве дв. ч. падежное окончание присоединяется у Кастрена к основе слова без числового показателя, который мог здесь, в принципе, и исчезнуть. Напр., (К) парадигма дв. ч. слова *sarmik* 'Wolf': ном.-ген.-акк. *sarmikaχa*: лат. *sarmikaņaņā*: лок. *sarmikaņaņāna*: абл. *sarmikaχaņaņād*: проз. *sarmikaņauna* (?? < **sarmikaņauna* < **sarmikaņauna*); (Л) ном. *wæssōkkoχo' ruχūsaχa* 'es ist ein Mann und ein Weib', (лесной диал.) ном. *χōddoχaη* 'zwei Rentierkälber'.

Множественное число образуется следующим образом (К, Л, Т, Х, А): показателем мн. ч. является в номинативе ⁻³; на конце генитива стоит всегда ⁻³, в генитиве и аккузативе гласные основы нижнего подъема стали часто более верхними (на конце аккузатива нет гортанного смычного). Кастрен описывает способ образования генитива и аккузатива мн. ч. в ненецком не совсем обстоятельно, но получается во всяком случае, что эти падежные формы якобы могут совпадать по форме друг с другом и с номинативом мн. ч. (Castrén 1854:120—123, 132). И в парадигмах (125—128) он приводит ряд форм, подтверждающих это, напр., мн. ч. ном. *ņuda*: ген. *ņudi³* ~ *ņuda³*: акк. *ņudi* ~ *ņuda³* (*ņuda* 'Hand'), ном., ген., акк. *χabi³* (*χabi* 'Diener'), *ņano³* (*ņano* 'Boot'). Но это, по всей вероятности, не совсем так. Как показывают материалы других авторов, эти три падежа в большинстве случаев довольно четко отличаются друг от друга по форме (см. также Терещенко 1956:39, 52—53). Утверждение Кастрена основано, видимо, на недоразумении и неточности записей. Дело в том, что прямое дополнение мн. ч. может быть выражено в одних случаях аккузативом, а в других — номинативом (как это косвенно отмечает и сам Кастрен; см. и Wickman 1955:80—81). А гортанные смычные Кастрен записывал довольно неточно (см. Wickman 1955:77). За форму генитива он иногда принял номинатив. Укажем, что и у него эти падежные формы в большинстве случаев все же четко разграничиваются, напр., мн. ч. ном. *nisea³* ~ *nise³*: ген. *nisi³* ~ *niesi³*: акк. *nisi* ~ *niesi* (*nisea* ~ *nise³* 'Vater'). На самом деле, образование генитива и аккузатива мн. ч. является сложным процессом (Терещенко пользуется термином «внутренняя флексия»): кроме повышения гласных основы нижнего подъема (к ним следует отнести и те гласные, которые являются гласными нижнего подъема лишь исторически, см. Joki 1956:21—23) здесь могут выступать и удлинение, появление и отпадение гласных основы, а также ряд изменений согласных основы (см. Joki 1956:18—29; Терещенко 1956:39, 52—53 и 1965:872—876); напр., мн. ч. (К) ном. *jau³*: ген. *jawo³*: акк. *jawo* (*jam* 'Meer'), ном. *nienesea³*: ген. *nieneciji³*: акк. *nieneciji* (*nienec³* ~ *nienese³* ~ *nienesea³* 'Mensch'); (Л) ген. *jēšši³* (*jaχa* 'Fluss'): акк. *jašši* (*jaχə* id.), ген. *ηənnū³* (*ηannō* 'Einbaum, Ruderboot'), *lāwwū³* (*lāw* 'Pferd'), акк. *jawχi* (*jawχā* 'Harngeruch...'), *jeηkuijū* (*jeηkū* 'Falle'), *jeptū* ~ *jepttujū* (*jeptu* 'Gans'), *ηamcī* (*ηamcə* 'Fleisch'), *ηuwwū* (*ηum* 'Heu, Gras'), *ηāj* (*ηājje* 'Körper'); (А) акк.

wādi, ʋoddi, nosi, ʁabewkku, jāptu, toñ [(Т) *wada* 'слово', *ʋoda* 'ягода', *poʁo* 'песец', *ʁabewko* 'куропатка', *jabto* 'гусь', *toña* 'лиса, лисица']. В лативе и локативе показателем мн. ч. является $^{-}$ [(Л) и $^{-}$], следующий за коаффиксом $-ʁV-$, $-g(V)-$, $-k(V)-$ падежных окончаний. Тот же показатель выступает в материалах Кастрена по тундровому диалекту в той же позиции и в аблативе, а в материалах Кастрена по лесному диалекту и в материалах других авторов мн. ч. аблатива выражается формой $-t$ падежного окончания аблатива вместо формы ед. ч. (К, Т) $-d$, (Л) $-δ(V)$ (этот же переход $-d > -t$ свойствен аблативу в материалах Кастрена по тундровому диалекту). Прозекутив мн. ч. строится на основе одного из неместных падежей мн. ч. (обычно, видимо, на основе генитива). У Кастрена и Терещенко все специфические гортанные смычные форм мн. ч. обозначаются как неназализирующиеся (см. и Терещенко 1956:26, 39), о таком же его характере свидетельствуют, видимо, и такие формы у Лехтисало как, напр., *ʁäenük korra* 'Rentierstier der Donnergeister', *jäsšix käewʁaⁿnä¹* 'an den Ufern der Flüsse', (?) *sawok kōrək kājju mādm* 'von den guten Rentierstieren bin ich nachgeblieben' (? < $^{-}$ $^{-}$ $k-$), а также формы аблатива, которые во мн. ч. оканчиваются на $-t$ (у Кастрена) и $-t$ (< $^{-}$ $^{-}$ d) (см. Hajdú 1958:265—269). Напр., (К) парадигма мн. ч. слова *ʁar* 'Messer': ном. *ʁar*: ген. *ʁaro*: акк. *ʁaro*: лат. *ʁarʁa*: лок. *ʁarʁa^{na}*: абл. *ʁarʁa^t*: проз. *ʁaromana*; (Л) лат. *wujʁkkoʁo* ('*wujʁkku* 'Hund'), *ʁik kunʁaⁿnä¹* 'Nächte lang' (*ʁun* 'Länge ...'), абл. *sarmikkaʁat* (*särmik* 'Tier'), проз. *mādō¹ manna* (*mā* 'Zelt; Hütte; Heim'); (А) лок. *jādelowaʁa^{na}* 'на улицах'.

Энецкий язык (К — Castrén MS.; Castrén 1854:170—178. П — Прокофьев 1937:80. Т — Терещенко 1966:442—443. М — Mikola 1967:67—68, 70—74).

Двойственное число. Показателем дв. ч. является в номинативе (К) $-ʁa$, $-ʁo$, $-go$, $-ko$; (П) (редко) $^{-}$ o , $-go$. В генитиве-аккузативе у Кастрена выступает $-ʁi$, $-gi$, $-ki$. Вместо этих падежных форм у Прокофьева (обычно) и у Терещенко отмечен номинатив-генитив-аккузатив с числовым показателем (П) $-ʁi$, $-gi$; (Т) $-ʁi$, $-gi$, $-ki$. В формах местных падежей дв. ч. мы находим показатель (К) $-ʁi$, $-gi$, $-ki$; (П) $-ʁi$, $-gi$, а у Терещенко местные падежи образуются от номинатива-генитива-аккузатива дв. ч. при помощи послелогов. Гортанный смычный на конце показателя дв. ч. Кастрен и Терещенко обозначают как назализирующийся. Напр., (К) парадигма дв. ч. слова *lata* 'Brett': ном. *lataʁa*: ген.-акк. *lataxi*: лат. *lataxinē*: лок. *lataxinēne*: абл. *lataxinero*: проз. *lataxinēone*, ср. (Т) лат. *dogōxi ne* 'к ловушкам (двум)': лок. *d. nen(e)*: абл. *d. ned*: проз. *d. neon(e)*.

Множественное число. Показателем мн. ч. является в номинативе (К, П, Т, М) $^{-}$. Кастрен и Терещенко отмечают, что образование генитива и аккузатива мн. ч. (обычно генитива-аккузатива) очень сбивчиво (Castrén 1854:170—171; Терещенко 1966:442—443). В генитиве-аккузативе гласные основы нижнего подъема часто заменяются более верхними (К, Т) и на конце этого падежа стоит (К, П, Т) $^{-}$. В материалах Микола мы находим также формы генитива мн. ч. на $^{-}$,

¹ ⁿ является здесь, по всей вероятности, лишь призвуком гортанного смычного, возникшим, возможно, под влиянием соседнего л.

а на конце аккузатива мн. ч. гортанный смычный отсутствует: *samoloto* 'Flugzeug', *tabur* ('Flaum'; ср. абл. ед. ч. *tabugoz*), (?) *tuakuča* ('Flügelchen'). В местных падежах (кроме прозекутива) на мн. ч. указывает коаффикс падежных окончаний в форме (К) *-χi-*, *-gi-*, *-ki-*; (Π) *-χi-*, *-gi-*; (Т) *-χi-*, *-gi-*, *-ki-*; (М) *-χi-* вместо (К, Π, Т, М) *-χV-*, *-go-*, *-ko-* ед. ч., причем падежное окончание аблатива выступает за этим коаффиксом в форме (К, Π) *-to*, (Т) *-t* вместо (К) *-ro*, (Π) *-do*, (Т) *-δ*, (М) *-z* ед. ч.; прозекутив строится обычно на основе генитива-аккузатива мн. ч. Специфические гортанные смычные в формах мн. ч. обозначены у Кастрена и Терещенко как неназализирующиеся. Напр., (К) парадигма мн. ч. слова *lata* 'Brett': ном. *lata*: ген.-акк. *latu'*: лат. *lataχiro*: лок. *lataχine*: абл. *lataχito*: проз. *latuone*, ср. и (А) ном. *lata'*: ген. *lata* (? ном. ед. ч. — А. К.) ~ *latu'*: акк. *lata'* (? ном. мн. ч. — А. К.) ~ *latu'*: лат. *lataχ'iro*²: лок. *lataχine*: абл. *lataχito*: проз. *latu'o:ne*, ном. *iri'*: ген. *iri'* (*iri* 'kukkaro'); (М) ном. *kezer'* (*keze'* 'wildes Rentier'), *oša'* ('Evenki, Dolgan'), *enčew* 'Leute': ген. *enčew'*, ген. *niga'* ('Weide'), лат. *muggadiχiz* (*muggadi* 'Name eines enzischen Geschlechts').

Нганасанский язык (К — Castrén 1854:154—169. Π — Прокофьев: 1937a:53—74. Т — Терещенко 1966a:416—437; Hajdú 1968:204—205. М — Mikola 1970:61—62, 68—70).

Двойственное число. В номинативе дв. ч. выступает показатель (К, Π) *-gaj*, *-kaj*; (Т, М) *-gəj*, *-kəj*; в генитиве-аккузативе (К, Π, Γ) *-gi-*, *-ki-*; в местных падежах (К, Π) *-gi-*, *-ki-*, а Терещенко пишет, что местные падежи образованы от номинатива дв. ч. в сочетании с послелогами. Следует указать, что приведенная Терещенко парадигма дв. ч. демонстрирует различие между генитивом и аккузативом дв. ч.: ном. *bigajkəj* 'две реки': ген. *bigajki* 'двух рек': акк. *bikagi* 'две реки' (Терещенко 1966a:421—422), которого нет в материалах Кастрена и Прокофьева. Напр., (К) парадигма дв. ч. слова *kinta* 'Rauch': ном. *kintagaj*: ген.-акк. *kintagi*: лат. *kintaginān*: лок. *kintaginānu*: абл. *kintagināta*: проз. *kintagināmanu*, ср. (Т) лат. *bigajki kundi* 'в две реки': лок. *b. kunsinj*: абл. *b. kunsidə*: проз. *b. kun'imānu*.

Множественное число. В номинативе мн. ч. выступает числовой показатель (К, Π, Т, М) ⁻³; в генитиве мн. ч. гласные основы нижнего подъема заменяются часто более верхними (К, Π, Т, М) или к гласным основы присоединяется (К, Π) *-i-*, на конце этой падежной формы стоит всегда ⁻³; в аккузативе показателем мн. ч. является (К, Π, Т) *-j*; в местных падежах (кроме прозекутива) мн. ч. выражает коаффикс падежных окончаний в формах (К) *-ndi-*, *-(n)ti-*, *t-*; (Π, Т) *-ndi-*, *-(n)ti-*; (М) *-(n)ti-* и (К, Π, Т, М) *-gi-*, *-ki-* вместо *-nda-*, *-(n)ta-*, *-fa-* и *-ga-*, *-ka-* ед. ч.; прозекутив образован от генитива мн. ч. В парадигмах Микола генитив мн. ч. часто совпадает с номинативом мн. ч., но если иметь в виду способ образования прозекутива мн. ч., то мы находим часто и в парадигмах с такими совпадениями следы генитива мн. ч., отличного от номинатива мн. ч., напр., в парадигме мн. ч. слова *kūtmā* 'kés': ном. *kūtmā*: ген. *kūtmā*: акк. *kūtmā* (? ном. мн. ч. — А. К.): ...: проз. *kūtau'məni* (< ген. мн. ч. **kūtau'* + послелог **mVnV*). Специфические гортанные смычные в формах мн. ч. Терещенко обозначает как неназализирующиеся. Напр., (К) парадигма мн. ч. слова

² ⁻³ здесь — неожиданный и его трудно объяснить (он может быть и технической случайностью письма от руки).

bigaj 'Fluss' : ном. *bikā* : ген. *bikau* : акк. *bikāj* : лат. *bigajfi* : лок. *bigajfinu* : абл. *bigajkita* : проз. *bikaumanu*; (П) ген. *jamai* (*jamā* 'кровь'), *bitidi* (*biti* 'стрела'), акк. *lembej* : абл. *lenfegita* (*lenfe* 'орел'), лок. *babitinu* (*bafi* 'дикий олень'); (Т) ген. *ḡamtü* (*ḡamtä* 'рог'), акк. *korudaj* (*koru* 'дом'); (М) *kəxi* *ḡətu* *saro* *šitja* *iču* 'körül fogoly- és nyúlpuotok vannak' (? досл. 'куропаток, зайцев тропы вокруг имеются'; *kəxi* 'fogoly', *ḡətu* 'nyúl', *sarə* 'ösvény, puot : pl.').

2.2. Посессивное склонение

Ненецкий язык (К — Castrén 1854:242—263; Castrén—Lehtisalo 1940:1—304; Castrén, Lehtisalo 1960:308—310. Л — Lehtisalo 1947; Castrén, Lehtisalo 1960:339—462; Lehtisalo 1956. В — Вербов 1935. Т — Терещенко 1956:45—47, 249—281; Терещенко 1965:880—881, 917. X — Hajdú 1968:77—83. А — Кюннап 1963).

Показателем двойственного числа является в номинативе-аккузативе и генитиве (К) *-xaju-*, *-xäju-*, *-gaju-*, *-kaju-*, (лесной диал.) *-xajo-*, *-xaju-*, *-xäjo-*, *-kajo-*, *-kaju-*; (Л) *-xäjji-*, *-xujji-*, *-xejji-*; (Т) *-xVju-*. У Терещенко мы находим и форму генитива дв. ч. *ḡakaḡaju'un* 'моих старших братьев' (? показатель дв. ч. *-xaju-*). В номинативе-аккузативе и генитиве множественного числа употребляется (К, Л, Т, А) в посессивном склонении в принципе такая же специальная основа мн. ч., как и в генитиве и аккузативе мн. ч. в абсолютном склонении. В формах местных падежей дв. ч. используется указанный выше показатель дв. ч. Как при дв. ч., так и при мн. ч. начальный согласный посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. выступает во всех падежах кроме номинатива-аккузатива обычно в форме *t* вместо *nd* ~ *d* ~ *t* ед. ч., а во мн. ч. начальный согласный падежного окончания аблатива принимает форму *t* вместо *d* ед. ч. Терещенко (1965:880—881) объясняет это так: «В формах местных падежей двойственного и множественного чисел лично-притяжательные суффиксы в большинстве говоров присоединяются к падежным формантам при помощи неназализованного гортанного смычного (ʔ), что вызывает оглушение начального *d* суффикса: *nyuda* 'рука' — лично-притяж. ф. отл. п. мн. ч. 2-го л. мн. ч. *nyudaḡata*» (коаффикс *-ḡa-* + абл. *-ta-* < **-ḡa-* + *-* + *-da-*). В ее материалах мы находим и пример выступления такого показателя мн. ч. *-*: лок. *ninekaḡa'nānda* 'у его братьев'. Имеются все основания считать объяснение Терещенко правильным. Напр., (К) парадигмы дв. и мн. ч. 3-го л. ед. ч. слова *lamba* 'Schneeschuh' : дв. ч. ном.-акк. *lambaḡajuda* : ген. *lambaḡajuta* : лат. *lambaḡajutañā* : лок. *lambaḡajutañāna* : абл. *lambaḡajutañād* : проз. *lambaḡajutañāmna* : мн. ч. ном.-акк. *lambida* : ген. *lambita* : лат. *lambaḡata* : лок. *lambaḡanata* : абл. *lambaḡatata* : проз. *lambamanata*, *teḡäjjudε* 'seine (zwei) Rentiere', *ḡannoidi* 'ihre Schlitten'; (Л) *teḡejjüni* 'meine zwei Rentiere', *ñüḡujjünnə* 'unsere Kinder', *mādāni* 'meine Zelte', *mādōdä* 'seine Zelte', *mādodo* 'die Zelte' (вернее 'их чумы'); (А) *ḡoddi-ññi* 'моих ягод', *ñukcida* 'ее сыновья', *jādolawi:da* 'его улицы', *ḡuddida* 'его руки', *ñāwəkku:di* *ñābi* *ñawəkkoxo:fti* *teḡōrḡa*, *ḡabε:wkku:di* *ñābi* *ḡabε:wkkoxo:fti* *teḡōrḡa* 'зайчиков у них до других зайчиков хватало, куропаток у них до других куропаток хватало (досл.: зайчики-их-двоих других до-зайчиков-их-двоих хватали, куропатки-их-двоих других до-куропаток-их-двоих хватали)'.

Энецкий язык (К — Castrén 1854:293—304. П — Прокофьев 1937:78, 81—83, 90. Т — Терещенко 1966:443—445. М — Mikola 1967:68, 70, 74).

В номинативе-аккузативе и генитиве показателем двойственного числа является (К) *-χu-, -gu-, -ku-*; (Π) *-χū-, -gū-*; (М) *-χu-*. В тех же падежных формах множественного числа (К, Π, Т) употребляется в посессивном склонении в принципе такая же специальная основа мн. ч., как в генитиве и аккузативе или генитиве-аккузативе мн. ч. абсолютного склонения. В формах местных падежей дв. ч. используется указанный выше показатель дв. ч. Как при дв. ч., так и при мн. ч. начальный согласный посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. выступает во всех падежах, кроме номинатива-аккузатива, в форме *t* вместо *dd ~ d ~ t* ед. ч., а при мн. ч. начальный согласный падежного окончания аблатива — в форме *t* вместо *r ~ d* ед. ч. Коэффициент окончаний местных падежей во мн. ч. принимает форму (К) *-χi-, -gi-, -ki-*; (Π) *-χi-, -gi-*; (М) *-χi-* вместе *-χo-, -go-, -ko-* ед. ч. Напр., (К) парадигмы дв. и мн. ч. 3-го л. ед. ч. слова *ennefe* 'Mensch': дв. ч. ном.-акк. *ennefeg-guro ~ ennetegguda*: ген. *ennefegguta*: лат. *ennefeggutane*: лок. *ennefeggutanene*: абл. *ennefeggutanero*: проз. *ennefeggutaneone*: мн. ч. ном.-акк. *ennefūra ~ enneteuda*: ген. *ennetūta*: лат. *ennefeggita*: лок. *ennefegginita*: абл. *ennefeggitita*: проз. *ennetū'oneta*; (Π) *kederona* 'наши дикие олени' (*kede* 'дикий олень'), *latuna ~ latana* 'мои доски' (*lata* 'доска'), *medona* 'наши чумы' (*me* 'чум'), *sudobero katida besekuχitita salobakuraχa* 'у великановой девки железные подвески словно лед' (? вернее 'твоего-великана его-девка от-железок [абл.] ледоподобная'); (М) ном. дв. ч. 1-го л. ед. ч. (?) *ñeχeχuñ* ('Mädchen'), лат. мн. ч. 2-го л. ед. ч. *kašxit*: 3-го л. мн. ч. *kašxitu* (*kasa* 'Mann'), лок. мн. ч. 3-го л. ед. ч. *ujxinīta* (*ujza* 'Brust').

Нганасанский язык (К — Castrén 1854:265, 267—292. Π — Прокофьев 1937a:56, 58, 63—65. Т — Терещенко 1966a:420, 423; Hajdú 1968:204—205. М — Mikola 1970:62—64).

Кастрен писал: «Im Nominativ des Duals und Plurals werden die Anlautsconsonanten der Affixe *n* und *t* immer mouilliert, wobei bisweilen vor dem *t* ein *i* hörbar ist; z. B. *kulatu* oder *kulaitu* 'seine Raben.'» (Castrén 1854:265). И далее: «Im Dual nimmt die Endung *gai, kai* vor Affixen den Laut *gei, kei* an.» (267).³ Показателем двойственного числа номинатива-аккузатива и генитива является (К, Π) *-gai-, -kai-*; (Т) *-gaj-, -kaj-*; (М) *-gaj-*. В номинативе-аккузативе как двойственного, так и множественного числа начальные согласные посессивных суффиксов смягчаются (К, Π, Т, М), во мн. ч. можно проследить и повышение гласных основы нижнего подъема (Π, Т), напр., ном. мн. ч. 1-го л. ед. ч. (Π) *jinduña* (*jinta* 'лук'), *ǰaluña* (*ǰala* 'камень'), *kulaña ~ kulaluña* (*kula* 'ворон'); (Т) *dūki-ña* (*dūka* 'кусочек, обрубоч'), *kūma-uña* (*kūmā* 'нож'). В формах дв. ч. местных падежей выступает приведенный выше показатель дв. ч., причем у Терещенко и Микола вместо действительных падежных форм мы находим послеложные конструкции от формы генитива дв. ч. Как при дв. ч., так и при мн. ч. начальный согласный посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. может выступать во всех падежах иногда (К, Π, М) в форме *t* вместо *nt ~ nd* ед. ч. В местных падежах (кроме прозекутива) коэффициенты падежных окончаний могут иметь во мн. ч. формы *-nti-, -ndi-, -tū-, -ti-, -fi-* и *-ki-, -gū-, -gi-* вместо *-nta-, -nda-, -ta-, -tə-, -tə-, -ka-, -ga-, -gə-* ед. ч. Напр., (К) парадигмы дв. и мн. ч. 3-го л. ед. ч. слова *ñeta* 'Kessel': дв. ч. ном.-акк. *ñetāgaiiti*: ген. *ñetāgaiiti*: лат. *ñetāgaitināñ*: лок. *ñetāgaitinanu*: абл. *ñetāgaiiti-*

³ В грамматике Кастрена нет примеров на *-gei-, -kei-*, но в свете вариантов Терещенко и Микола они, действительно, ожидаемы.

nata : проз. *ñetāgaitinamanu* : мн. ч. ном.-акк. *ñeta'i* : ген. *ñetaiti* : лат. *ñetātiti* : лок. *ñetātininti* : абл. *ñetāgititi* : проз. *ñetaimanente*; (М) те же парадигмы слова *tā 'rénszarvas'* : дв. ч. ном.-акк. *tāgəjtu* : ген. *tāgəjtū* : лат. *tāgəjti na* и т. д.; мн. ч. ном.-ген.-акк. *tātu* : лат. *tātitu* ~ *tātütü* ~ *tātündü* : лок. *tātinintu* ~ *tātününtü* : абл. *tāgititu* ~ *tāgitütü* : проз. *ta'mənitu*.

2.3. Деидеративное склонение

Ненецкий язык (К — Castrén 1854:220—221, 335—338; Castrén — Lehtisalo 1940:1—304; Castrén, Lehtisalo 1960:299—308. Л — Lehtisalo 1947; Castrén, Lehtisalo 1960:339—462; Lehtisalo 1956. Т — Терещенко 1956:51; Терещенко 1965:882).

Основы форм деидеративного склонения с показателем этого склонения *-da-* и т. д. не имеют форм дв. и мн. ч., т. е. показатели этих чисел не присоединяются к показателю *-da-* и т. д. Двойственное и множественное числа выражаются (К, Л) посредством форм номинатива-аккузатива дв. и мн. ч. посессивного склонения, т. е. числовые показатели стоят перед показателем *-da-* и т. д. (который являлся первоначально, по всей вероятности, посессивным суффиксом 3-го л. ед. ч.), ср., напр., (К) дез. скл. предест. мн. ч. 1-го л. ед. ч. *lambidan* и посесс. скл. ном.-акк. мн. ч. 3-го л. ед. ч. *lambida* (*lamba* 'Schneeschuh'); ср. и (Л) *mirwoda mmi' xāmmi-kkūḍə!* 'Waffen für mich legt bereit!', *piwwədam in taḡarkkar!* 'die Stiefel gib mir doch!' Кажется, что мн. ч. может быть выражено в деидеративном склонении и (К, Т) посредством номинатива-аккузатива ед. ч. посессивного склонения, ср., напр., (К) дез. скл. акк. мн. ч. 1-го л. ед. ч. *meatan* и посесс. скл. ном.-акк. ед. ч. 3-го л. ед. ч. *meata* (*mea* 'Zelt'); ср. и (Т) ном. *ḡandado* 'нарты для них' (*ḡan* 'нарта, сани'), акк. *ḡardadana* 'дома для нас' (*ḡarad* 'дом...'), предест. *piwadan* 'пимы для меня' (*piwa* 'пимы...').⁴ Возможно, что такое употребление ед. ч. вместо мн. ч. объясняется использованием существительных 'чум', 'нарта', 'дом', 'пимы' здесь в коллективном значении, так как иначе его трудно понять.

Энецкий язык (К — Castrén 1854:221, 340—342. П — Прокофьев 1937б:84. Т — Терещенко 1966б:445).

Показателем двойственного числа является (К) *-xu-*, а множественного — выступление показателя деидеративного склонения в форме (К) *-ri-*, *-di-*, *-ti-* вместо *-ro-*, *-do-*, *-to-* ед. ч.; напр., (К) ном. 3-го л. ед. ч.: дв. ч. *liberoḡura* и мн. ч. *liberira* (*libe* 'Adler').

Нганасанский язык (К — Castrén 1854:221, 338—339. П — Прокофьев 1937а:66—67. Т — Терещенко 1966а:424—425. М — Mikola 1970:68).

Показателем двойственного числа является (К) *-gai-*, *-kai-*, а на множественное число указывает показатель деидеративного склонения в форме (К) *-di-*, *-ti-*; (М) *-di-* вместо (К) *-da-*, *-ta-*; (М) *-də-*, *-tə-* ед. ч.; напр., (К) акк. 3-го л. ед. ч.: дв. ч. *kuladakaitu* и мн. ч. *kuladitu* (*kula* 'Rabe'); (М) *ñilimintin bəjməni təndə məuntə:ntuḡ kolij kəmtüḡətu*, *ḡakijiditi* (~ *ḡakijiditin*) *musikandij* 'életük

⁴ Терещенко (1965:882), пишет, что эти три существительных стоят здесь во мн. ч., но никаких ясных признаков мн. ч. мы в рассматриваемых формах не находим, ср. основы мн. ч. в формах аккузатива мн. ч. (Т) *ḡano*, *ḡarad* ~ *ḡardo*, *pibi*.

folyamán halat fogtak és jukolt készítettek ezen a földjükön' (точно 'сушенных-рыб-для-них-двоих'), ср. название сушеной рыбы у Попова *faka*.

Приложение

В ноябре 1972 г. автор настоящей статьи имел возможность записывать в Ленинграде материал по лесному диалекту ненецкого языка, по энецкому и нганасанскому языкам. Полученные данные по числовым показателям имен существительных совпадают в общем с данными статьи. Однако кажется целесообразным привести здесь некоторые примеры форм дв. и мн. ч. этого нового материала.

Абсолютное скл. **Нен.** (лесной диал.) *ηjwaχaη* 'две головы', *kaχa·η* 'два уха', *χāllaχkixi:η* 'два зверя' (*χālləχki* 'зверь'), *kullixi·η* 'два ворона': *kulli·* 'много воронов' (*kulli* 'ворон'); парадигма дв. ч. слова *ηuda·* ~ *ηutə* 'рука': ном. *ηutəχaη* ~ *ηuttəχə·η* 'две руки': (?) ген.-акк. *ηuttəχə·η*: лат. *ηuttəχaηñā*: лок. *ηuttəχaηñā·na*: абл. *ηuttəχaηñā·t*: проз. *ηuttəχaηñā·mnə*. — **Эн.** парадигмы дв. и мн. ч. слова *lätta* 'доска': дв. ч. ном.-ген.-акк. *lättaχi'*: лат. *lättaχi' dēd* и т. д.: мн. ч. ном.-ген.-акк. *lätta'*: лат. *lättaχid*: лок. *lättaχin*: абл. *lättaχit*: проз. *lätta'no:n*. — **Нган.** парадигмы дв. и мн. ч. слова *kintta* 'дым': дв. ч. ном.(?)-ген.-акк. *kinttagi*: лат. *kinttagijā*: лок. *kinttagitani*: абл. *kinttagita*: проз. *kintta kajamanu* (? проз. ед. ч.): мн. ч. ном. *kinda' ~ kində'*: ген. *kində'*: акк. *kindəj*: лат. *kindüjā*: лок. *kində'tteni*: абл. *kinttegittə*: проз. *kindük kajamanu*; *māda'* 'домá': *māda' kində'* 'дымы домов': акк. мн. ч. *mādej* (*mā'* 'дом, чум').

Посессивное скл. **Нен.** (лесной диал.) *ηuttəχa·dot·ta'* 'подай две твои руки!' (*χado* < **χajo*-; *ηuda* 'рука'). — **Эн.** парадигмы дв. и мн. ч. слова *lättaδə* 'твоя доска': дв. ч. ном.-ген.(?)-акк. *lättaχida*: ...: мн. ч. ном.-ген.(?)-акк. *lättida*: лат. *lättaχitta*: лок. *lättaχintta*: абл. *lättaχittitta*. — **Нган.** парадигмы дв. и мн. ч. слова *kintta* 'дым': дв. ч. (?)2-го л. дв. ч. ном.-ген.(?)-акк. *kinttagajfi*: лат. *kinttagajfiijā*: лок. *kinttagəjfi kajā·nu* ~ (?) *kinttagajttəniffi*: абл. *kinttagiffitti* (? абл. мн. ч.): мн. ч. 3-го л. ед. ч. ном.-ген.(?)-акк. *kindüffü*: лат. *kindüffüjā*: лок. *kindüffü kajā·nu*: абл. *kinttagiffittü*.

Сокращения

А — записи автора статьи; **В** — записи Г. Вербова; **К** — записи М. А. Кастрена; **Л** — записи Т. Лехтисало; **М** — записи Т. Микола; **П** — записи Г. Прокофьева; **предест.** — предестинатив (или назначительный падеж); **Т** — записи Н. Терещенко; **Х** — записи П. Хайду.

ЛИТЕРАТУРА

- Вербов Д. 1935, Диалект лесных ненцев (рукоп. в архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде: фонд 2, опись 2, № 1).
 Кюннап А. 1963, Записи ненецкого языка (рукоп.).
 ——— 1967, Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке. — СФУ III 4, 282—291.
 Прокофьев Г. Н. 1937а, Нганасанский (тавгийский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 53—74.
 ——— 1937б, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 75—90.

- Терещенко Н. М. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград.
 ——— 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 ——— 1966а, Нганасанский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 416—437.
 ——— 1966б, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 438—457.
 Castrén, M. A. MS. — Manuscripta Castreniana. Vol. XIV. Samoiedica 8. Jenisei-Samoiedica (рукоп. в библиотеке Хельсинкского университета).
 ——— 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 Castrén, M. A. — T. Lehtisalo 1940, Samojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu LXXXIII).
 Castrén, M. A., T. Lehtisalo 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
 Hajdú, P. 1958, Noch einmal über den Stimmbandverschlusslaut im Jurakischen. — ALHung. VII, 243—272.
 ——— 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
 Joki, A. J. 1956, Eine Untersuchung über das Objekt in den uralischen Sprachen. — FUFAnz. XXXII, 1—41.
 Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
 Lehtisalo, T. 1947, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu XC).
 ——— 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XIII).
 Mikola, T. 1967, Enzische Sprachmaterialien. — ALHung. 17, 59—74.
 ——— 1970, Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez. — NyK LXXII, 59—93.
 Wickman, B. 1955, The Form of the Object in the Uralic Languages, Uppsala—Wiesbaden (UUA 1955).

AGO KUNNAP (Tartu)

DIE NUMERUSZEICHEN DER SUBSTANTIVE IM NORDSAMOJEDISCHEN

Das Ziel des vorliegenden Aufsatzes ist die kurze Beschreibung der Numeruszeichen der Substantive im Nordsamojedischen.

Im Samojedischen gibt es drei grammatische Numeri: den Singular, Dual und Plural. Der Singular hat keine Zeichen.

Vom historischen Standpunkt aus werden die samojedischen Numeruszeichen in zwei Anwendungsbereiche eingeteilt, die man bedingt nominale und pronominale Sphären nennen kann. Den umfangreichsten und konsequentesten Anwendungsbereich dieser Zeichen in der nominalen Sphäre, sozusagen den Kern dieser Sphäre, bilden die Stämme der Substantive und gewisse finite Formen der Verben. Dieselben Numeruszeichen können sich auch an verschiedene andere Wortarten und Formen anschließen, jedoch in den verschiedenen Sprachen und in deren Dialekten in ziemlich unterschiedlichem Maße. Im Nenzischen z. B. können Adjektive, Ordinalzahlen, demonstrative, interrogative und emphatische Pronomen sowie Partizipien in bedeutendem Maße in allen drei Zahlformen nach denselben Prinzipien wie die Substantive dekliniert werden; die Pluralformen können auch bei Adverbien und Postpositionen auftreten. Im Kamassischen dagegen kommt der Plural anderer Wortarten und Formen selten vor, der Dual aber fehlt dort überhaupt. — Die pronominale Sphäre beschränkt sich fast nur auf die Possessivsuffixe und Personalendungen. — Die Personalpronomen nehmen eine Zwischenstellung zwischen diesen beiden Sphären ein: ihr Dual und Plural können teils durch die speziellen Stämme, die nur in diesen Numeri auftreten, teils durch die Numeruszeichen des nominalen und pronominalen Anwendungsbereiches (hierher gehört auch das Ausdrücken des Duals und Plurals mit den entsprechenden Possessivsuffixen), in Einzelfällen auch durch ihre eigenen speziellen Numeruszeichen ausgedrückt werden.

Auf Grund des Gesagten ist es sinnvoll, bei der Behandlung der samojedischen Numeruszeichen das Hauptaugenmerk auf die Numeruszeichen der Substantive, gewisser finiter Verbformen, der Possessivsuffixe und Personalendungen sowie der Personalpronomen zu richten. Dabei ist es üblich, mit der Betrachtung der Numeruszeichen der Substantive zu beginnen. (Über entsprechende südsamojedische Numeruszeichen s. Künnap 1971:18—55.)